ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишь по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами ордъ татарскихъ и люди, какъ насѣкомыя, пожирали другъ друга,—мнѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, иныя формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспаханныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и самому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ военнымъ служакамъ временъ императора Николая Павловича. Не проходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится мнѣ исторія со своими скрижалами, а не всхлипывающіе патріоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подъ часъ мелкихъ, незначительныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько моихъ о немъ воспоминаній изъ времени маневровъ подъ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались зачастую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко портала дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станетъ обучаться будущій генералъ-адмиралъ, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «гг., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взлетѣли мы на сѣтку и начали тормошить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пошолъ во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдого коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг.! вы тутъ попиваете чаёкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не посиѣемъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не поспѣете? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагерь!...

— Ваше величество! вы изволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности поспѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ виноватъ?... У меня есть конь,—ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ—бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно высыпавшій рой... Объясняясь съ императомъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мундштука, кто за трензеля, кто за путлища и стремена, даже ноги государя, кто по больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьёзная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не до линеекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ разсыпную. Государь подскакалъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерѣ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время попали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ экономъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человѣкъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ однокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель проститъ мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнью отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасирскій) въ первую линію». Я тотчасъ ускакалъ на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизіонъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизіею командовалъ генералъ Гринвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, онъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизіонъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, флангового эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. Ѳ. Скляревичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохля, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харпскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харпскаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышловая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно усмиралъ её ѣздовой, лошадь сумасшествовала. Довольно сѣдая, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харпскаго, была покрыта крестами, между которыми ясно выдѣлялись два георгіевскіе. Подъѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всѣ, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единаго слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконецъ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и—маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофеичъ, т. е. гр. Д. Е. Сакенъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генералъ, и рѣшаюсь перечить геніальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всѣ предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣ-

чекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошадкѣ.

— Сакенъ! сказалъ ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлалъ изъ своихъ рукъ носъ и, обращаясь къ князю Орлову, сказалъ: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислалъ корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградою, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстьѣ...

Ф. П—нъ.